

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ, ВЫНЕСЕННЫЕ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ –
УЧАСТНИКОВ КОНВЕНЦИИ (КРОМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)Дело «Петрова (Petrova)
против Латвийской Республики»¹

(Жалоба № 4605/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 24 июня 2014 г.

По делу «Петрова против Латвии» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Паави Хирвелаа, Председателя Палаты,
Инеты Зиемеле,
Георга Николау,
Ноны Цоцория,
Пола Махони,
Кжиштофа Войтишека,
Фариса Вехабовича, судей,
а также при участии Фатош Араджды, заместителя Секретаря Секции Суда,
заседая за закрытыми дверями 3 июня 2014 г.,
вынес в этот день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 4605/05, поданной против Латвийской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Латвийской Республики Светланой Петровой (далее – заявительница) 18 января 2005 г.

2. Интересы заявительницы представлял в Европейском Суде А. Кузьмин, адвокат, практикующий в г. Риге. Власти Латвии были представлены представителями Латвийской Республики в Европейском Суде по правам человека сначала И. Рейне, а затем К. Лице.

3. Заявительница утверждала, в частности, что изъятие органов у сына было произведено без ее согласия.

¹ Перевод с английского языка (примеч. редактора).

² Настоящее Постановление вступило в силу 24 сентября 2014 г. согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции. В его текст могут быть внесены редакционные изменения (примеч. редактора).

4. 17 ноября 2009 г. жалоба была коммуницирована властям государства-ответчика в контексте статей 3 и 8 Конвенции. 9 июля 2013 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции было принято решение рассмотреть вопрос о приемлемости жалобы одновременно с ее рассмотрением по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1955 году и проживает в г. Риге. Она является матерью Олега Петрова (далее – сын, сын заявительницы), гражданина Латвийской Республики 1979 года рождения, скончавшегося 29 мая 2002 г.

A. СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ
К ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ

6. 26 мая 2002 г., около 7.00, сын заявительницы получил тяжелые травмы в результате дорожно-транспортного происшествия, случившегося недалеко от г. Бауска (Bauska). Примерно в 8.45 он поступил в больницу в г. Бауска. Несколько позже, в 14.45, его перевели в Рижскую 1-ю городскую больницу (Rīgas 1. slimnīca) (далее – больница), которая в то время была зарегистрирована как «некоммерческое муниципальное общество с ограниченной ответственностью» (Rīgas pašvaldības bezpeļņas organizācija sabiedrība ar ierobežotu atbildību), где ему сделали трепанацию черепа. После операции его состояние оставалось очень тяжелым, он по-прежнему находился в отделении реанимации больницы и не приходил в сознание.

7. 28 мая 2002 г., в 23.50, из больницы позвонили в центр трансплантации Университетской клинической больницы им. Паула Страдина, которая была зарегистрирована как «некоммерческое государственное акционерное общество» (bezpeļņas organizācija valsts akciju sabiedrība), и сообщили о потенциальном доноре, находящемся в реанимации. В больницу прибыли координатор из центра трансплантации и врач.

8. 29 мая 2002 г., в 00.45, в медицинской карте сына заявительницы была сделана запись о том, что его состояние является безнадежным. В карте отмечалось, что начались реанимационные мероприятия. Запись о смерти сына заявительницы была сделана в медицинской карте, заведенной на него в больнице, в 1.20.

9. После смерти сына заявительницы была проведена лапаротомия трупа, которая продолжалась с 1.35 до 3.45. Во время этой операции, которую

проводили хирург-трансплантолог центра трансплантации, уролог и операционная сестра в присутствии координатора и реаниматолога больницы, у него были изъяты почки и селезенка для последующей трансплантации органов. В свидетельстве о смерти указано (вероятно, ошибочно, см. § 15 настоящего Постановления), что смерть наступила 29 мая 2002 г., в 14.45.

10. По утверждениям заявительницы, пока сын находился в больнице, она постоянно общалась там с врачами. 29 мая 2002 г. состояние сына заявительницы стало ухудшаться, но ей об этом не сообщили. Кроме того, у нее не интересовались, давали ли сын согласие на донорство органов и, согласна ли она на трансплантацию органов, если ее сын не выражал какого-либо мнения в этом отношении.

11. Как утверждали власти государства-ответчика, сотрудники больницы не имели информации о том, как можно связаться с родственниками сына заявительницы, и сообщили полиции о его госпитализации по телефону экстренного вызова. Таким образом, связаться с родственниками не представлялось возможным. В связи с этим власти государства-ответчика ссылались на предоставленную больницей информацию, согласно которой «с учетом того, что в медицинской карте пациента не указано телефонных номеров родственников... по-видимому, связи с заявительницей не было».

12. 30 мая 2002 г. в рамках производства по уголовному делу, возбужденному в отношении виновника дорожно-транспортного происшествия, состоялась (посмертная) судебно-медицинская экспертиза тела сына заявительницы. Эксперты отметили, в частности, что 29 мая 2002 г. лапаротомия трупа продолжалась с 1.35 до 3.45. Заявительница получила копию экспертного заключения 11 февраля 2003 г. и только тогда узнала, что девятью месяцами ранее у сына после смерти были изъяты органы для последующей трансплантации.

В. РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ НА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

13. 12 марта 2003 г. в ответ на поданную заявительницей жалобу сотрудники больницы сообщили, что трансплантация была осуществлена врачами-трансплантологами в соответствии с законодательством Латвийской Республики. Как было отмечено, заявительнице не сообщали о состоянии здоровья сына, поскольку она не встречалась с врачами в больнице.

14. В ответ на дальнейшие жалобы заявительницы, поданные в полицию и прокуратуру, было проведено несколько проверок.

15. В ответ на запрос полиции безопасности Латвийской Республики (*Drošības policija*) сотрудники Инспекции по контролю качества медицинского обслуживания и трудовой экспертизы (*MĀDEKKI*) (далее – Инспекция) произвели ана-

лиз медицинской карты и встретились с врачами и администраторами двух медицинских учреждений, упоминаемых в настоящем деле, Рижской 1-й городской больницы и Университетской клинической больницы им. Паула Страдина. 7 мая 2003 г. они завершили расследование и сообщили полиции безопасности о своих выводах. В ответе на вопрос о соблюдении врачами применимых требований внутригосударственного законодательства сотрудники Инспекции ответили, в частности, следующее:

«...Когда врачи принимали решение [о выемке органов] и производили изъятие органов, они выполняли требования статьи 10 Закона «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине» и постановления № 431 (1996)...

[Инспекция] не располагает информацией о наличии в паспорте Петрова штампа, свидетельствующего о том, что он возражал против использования тканей и органов своего тела.

[Заявительнице] о возможном изъятии органов [почек и селезенки] для последующей трансплантации не сообщали...».

Кроме того, в письме полиции безопасности Латвийской Республики сотрудники Инспекции пояснили, что биологическая смерть наступила 29 мая 2002 г., в 1.20, а не в 14.45, как было указано, вероятно, по ошибке, в свидетельстве о смерти.

16. 27 мая 2003 г. полиция безопасности Латвийской Республики, опираясь на заключение Инспекции, ответила заявительнице, что изъятие органов у ее сына было произведено в соответствии с внутригосударственным законодательством. При этом полиция безопасности сослалась на статью 10 Закона «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине» (*likums «Par miruša cilvēka ķermeņa aizsardzību un cilvēka audu un orgānu izmantošanu medicīnā»*) (далее – Закон о защите тела скончавшегося человека) и на постановление № 431 (1996) (*Noteikumi par miruša cilvēka audu un orgānu uzkrāšanas un izmantošanas kārtību medicīnā*). Заявительнице была направлена копия письма Инспекции, адресованного полиции безопасности.

17. 17 июня 2003 г. прокуратура переслала жалобу заявительницы в полицию безопасности Латвийской Республики для проведения дополнительной проверки.

18. 15 июля 2003 г. сотрудники Инспекции ответили на вопросы Министерства здравоохранения Латвийской Республики, куда обратилось Государственное бюро по правам человека, получив жалобу заявительницы. Сотрудники Инспекции отметили, что они не располагают информацией о том, содержались ли в реестре жителей Латвийской Республики (*Iedzīvotāju reģistrs*) на момент смерти сына заявительницы какие-либо сведения об отказе от посмертного использования его тела, органов или тканей или о согласии на такое использова-

ние. Кроме того, в ответе сотрудники Инспекции указали, что заявительнице не сообщали о возможном изъятии органов (почек и селезенки) для последующей трансплантации. Инспекция не располагала информацией о том, стоял ли в паспорте сына заявительницы штамп, свидетельствующий о том, что он возражал против использования его тканей и органов для трансплантации после смерти. 13 августа 2003 г. Министерство здравоохранения Латвийской Республики, отвечая на вопросы Государственного бюро по правам человека, на основании предоставленных Инспекцией сведений пришло к выводу, что, поскольку заявительницу не известили о трансплантации органов, она не выразила ни своего согласия на ее проведение, ни отказ от нее.

19. 29 июля 2003 г. полиция безопасности Латвийской Республики сообщила заявительнице, что рассмотрение ее жалобы еще не завершено.

20. 12 ноября 2003 г. полиция безопасности Латвийской Республики вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. По тем же основаниям, которые указаны в упомянутых выше заключениях, был сделан вывод о том, что трансплантация была произведена в соответствии с внутригосударственным законодательством. В заключениях указывалось, что при жизни сын заявительницы не упоминал о каких-либо возражениях против посмертного использования его тканей и органов и что до начала трансплантации от родственников не поступало возражений против использования его органов. В обязанности координатора центра трансплантации входит информирование родственников о вопросах, касающихся трансплантации, а также получение документов, согласия, подписей и другой соответствующей информации. Принимая во внимание, что на момент биологической смерти сына заявительницы его родственников в больнице не было, а изъятие органов в таких случаях должно производиться незамедлительно, отсутствовала возможность получить от родственников согласие на изъятие органов или отказ от такого изъятия.

21. 14 ноября 2003 г. заявительница была проинформирована об этом постановлении.

22. 23 января 2004 г. Государственное бюро по правам человека ответило на обращение заявительницы. По имевшейся в распоряжении бюро информации, в реестре жителей Латвийской Республики отсутствовали сведения, указывающие на то, согласился бы сын заявительницы на посмертное использование своего тела, тканей и органов или отказался бы от этого. По данным, предоставленным Министерством здравоохранения Латвийской Республики, и согласно выводам, к которым пришли сотрудники Инспекции, заявительнице не сообщили о предстоящем изъятии у сына почек и селезенки, поэтому она не выразила в связи с этим ни согласия, ни отказа. Наконец,

заявительнице рекомендовали обратиться в прокуратуру, так как полиция безопасности Латвийской Республики не указала, в каком порядке и в какие сроки можно подать жалобу.

23. 4 марта 2004 г., после того, как заявительница подала еще одну жалобу, было проведено совещание, на котором министр здравоохранения Латвийской Республики обсудил с представителями больницы и центра трансплантации обстоятельства изъятия органов у ее сына. Представители указанных организаций считали, что изъятие органов было произведено в соответствии с применимыми положениями внутригосударственного законодательства. По мнению министра здравоохранения, родственникам надо было сообщить об изъятии органов и получить их согласие. В протоколе заседания отмечалось, что осенью 2003 года рабочая группа, созданная Министерством здравоохранения Латвийской Республики, подготовила поправки к вышеупомянутому Закону о защите тела скончавшегося человека, направленные на повышение четкости его формулировок, и внесла два предложения. Первое из них заключалось в том, чтобы включить в Закон о защите тела скончавшегося человека требование во всех случаях выяснять желание скончавшегося человека у его ближайших родственников. Второе предложение состояло в том, чтобы руководствоваться желанием человека, выраженным им при жизни, а при отсутствии соответствующего желания – презумпцией согласия (не спрашивая мнения ближайших родственников донора). Кроме того, отмечалось, что соответствующий комитет Сейма Латвийской Республики предпочел второй вариант (принятый текст поправок приведен в § 41 настоящего Постановления). Отмечалось также, что с принятием предложенных поправок Сеймом Латвийской Республики возникновение подобного рода «проблемных ситуаций» будет практически исключено». 17 марта 2004 г. заявительница получила соответствующий ответ из Министерства здравоохранения Латвийской Республики.

24. 6 мая 2004 г. прокурор отклонила жалобу заявительницы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12 ноября 2003 г. При этом она сослалась на статью 11 Закона о защите тела скончавшегося человека и указала, что согласие родителей или законного представителя требуется только в случае изъятия органов для последующей трансплантации у скончавшегося ребенка. Соответственно, действия врачей не являлись преступлением, а постановление от 12 ноября 2003 г. было законным.

25. 29 июня 2004 г. вышестоящий прокурор отклонил жалобу заявительницы на постановление прокурора от 6 мая 2004 г. Он отметил, что по информации, предоставленной Министерством здравоохранения Латвийской Республики, Конвенция о защите прав и достоинства человека в свя-

зи с применением достижений биологии и медицины (см. § 28 настоящего Постановления) Сеймом Латвийской Республики не ратифицирована и что страна даже не подписала Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине о трансплантации органов и тканей человека, следовательно, участником этой Конвенции не является. Сославшись на статью 17 Дополнительного протокола, прокурор указал, что в период времени, относящийся к обстоятельствам дела (май 2002 года), данные вопросы в Латвийской Республике регулировались статьями 4 и 11 Закона о защите тела скончавшегося человека. Эти статьи не требовали получения согласия близких родственников донора, за исключением случаев изъятия органов и тканей у скончавшегося ребенка. Нормы, касающиеся координаторов трансплантации, обязывают их получать согласие родственников донора только в предусмотренных законом случаях. Прокурор не усмотрел в деле оснований, позволяющих предположить, что врачи нарушили закон, приняв решение произвести изъятие органов у сына заявительницы. Следовательно, по мнению прокурора, отсутствовали основания предъявлять им обвинение в преступлении, предусмотренном статьей 139 Уголовного кодекса Латвийской Республики, позднее обвинение также никому не предъявлялось. В то же время заявительнице сообщили о внесенных изменениях в статьи 4 и 11 Закона о защите тела скончавшегося человека, принятых 2 июня 2004 г., в соответствии с которыми изъятие органов у скончавшегося лица для последующей трансплантации допускается, если в реестре жителей Латвийской Республики отсутствуют сведения о каких-либо возражениях против этого и если до начала трансплантации родственники скончавшегося не сообщили больнице в письменной форме о том, что при жизни человек возражал против посмертного использования своих органов и тканей.

26. 23 августа 2004 г. Генеральный прокурор Латвийской Республики принял окончательное решение, которым была отклонена жалоба заявительницы на постановление от 29 июля 2004 г.¹ Кроме того, сославшись на статьи 4 и 11 Закона о защите тела скончавшегося человека, он отметил, что данные статьи запрещают изъятие органов и тканей в случае наличия отказа или возражения, но не в случае, когда желание ближайших родственников донора не было установлено. Следовательно, упомянутые статьи в редакции, действовавшей в мае 2002 года, не обязывали врачей вести активные поиски ближайших родственников скончавшегося лица и уведомлять их о возможном изъятии его тканей и органов для последующей трансплан-

тации, за исключением случаев, когда донором являлся ребенком. 29 мая 2002 г. врачи не располагали сведениями об отказе или о возражениях относительно изъятия органов сына заявительницы. Генеральный прокурор Латвийской Республики пришел к выводу, что изъятие органов было произведено в соответствии с требованиями внутригосударственного законодательства. Кроме того, он отметил, что действия, совершаемые с телом умершего человека, нельзя считать вмешательством в его личную жизнь.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

27. 11 мая 1978 г. Комитет министров Совета Европы принял Резолюцию (78) 29 «Об унификации законодательства государств-участников по вопросам изъятия, пересадки и трансплантации человеческих биоматериалов», в которой он рекомендовал властям государств-участников обеспечить, чтобы их законодательство соответствовало приложенным к этой Резолюции правилам, либо принять нормы, соответствующие этим правилам, в составе нового законодательства. Статья 10 указанной Резолюции предусматривает следующее:

«1. Изъятие биоматериалов не должно производиться при наличии явных или предполагаемых возражений со стороны умершего, в частности, принимая во внимание его религиозные и философские убеждения.

2. При отсутствии высказанной или подразумеваемой воли умершего у него может быть произведено изъятие биоматериалов. Однако государство может решить, что изъятие биоматериалов не должно производиться, если после проведения практически возможного расследования, принимаемая во внимание мнение семьи умершего, или в случае смерти неспособного лица взглядов его законного представителя, возражение станет очевидным; кроме того, если умерший был недееспособным лицом, может также потребоваться согласие его законного представителя».

28. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (документ Совета Европы № 164) является первым международным договором в области биоэтики (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине). Она вступила в силу 1 декабря 1999 г. в отношении ратифицировавших ее государств. Латвийская Республика подписала Конвенцию о правах человека и биомедицине 4 апреля 1997 г. и ратифицировала ее 25 февраля 2010 г. Эта конвенция вступила в силу в отношении Латвии 1 июня 2010 г. В Конвенции о правах человека и биомедицине говорится не об изъятии

¹ По-видимому, в тексте оригинала Постановления Европейского Суда допущена неточность: в § 25 (в начале абзаца) указано, что соответствующее постановление было принято 29 июня 2004 г. (примеч. редактора).

органов и тканей у умерших людей, а об изъятии органов и тканей у живых доноров для последующей трансплантации (статьи 19, 20).

29. К Конвенции о правах человека и биомедицине был принят Дополнительный протокол о трансплантации органов и тканей человека (документ Совета Европы № 186). 1 мая 2006 г. он вступил в силу в отношении ратифицировавших его государств. Латвийская Республика данный Протокол не подписала и не ратифицировала.

30. Статьи Дополнительного протокола, имеющие отношение к настоящему делу, предусматривают следующее:

«Статья 1. Цели

Стороны настоящего Протокола защищают достоинство и личную неприкосновенность человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение личной неприкосновенности и других прав и основных свобод в связи с трансплантацией органов и тканей человека...

Статья 16. Свидетельство о смерти

Органы и ткани не могут быть удалены у скончавшегося человека, если факт его смерти не установлен в соответствии с законодательством.

Врачи, установившие факт смерти человека, не должны ни принимать непосредственное участие в изъятии у него органов или тканей или в последующих процедурах трансплантации, ни осуществлять уход за потенциальными реципиентами соответствующего органа или ткани.

Статья 17. Согласие и разрешение

Изъятие органов и тканей у скончавшегося человека не допускается, если на это не получено требуемое законодательством согласие или разрешение.

Изъятие органов и тканей не допускается, если умерший человек возражал против этого...».

31. В мае 2002 года Генеральный секретарь Совета Европы разослал государствам – членам Совета Европы вопросы, касающиеся юридических и практических аспектов трансплантации¹. Власти Латвийской Республики ответили утвердительно на вопрос о том, требуется ли разрешение для изъятия органов и тканей у живого донора, сославшись на статьи 19 и 20 Конвенции о правах человека и биомедицине и на статью 13 Закона о защите тела скончавшегося человека. Они отметили, что для этого необходимо письменное согласие. Отвечая на вопрос «Какие отношения должны существовать между живым донором органа и реципиентом?», они сослались на статьи 19 и 20 Конвенции о правах человека и биомедицине. Отвечая на вопрос «Какие санкции предусмотрены за незаконную торговлю органами, в частности, в отношении посредников и медицинских работников?», власти

Латвийской Республики сослались на статью 139 Уголовного кодекса Латвийской Республики (см. § 44 настоящего Постановления).

В. ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

32. 21 июля 1998 г. Европейская группа по этике в науке и новых технологиях (ЕГЭ)² при Европейской комиссии вынесла Заключение № 11 «Об этических аспектах создания банков тканей человека». В частях, имеющих отношение к настоящему делу, это Заключение предусматривает следующее:

«...2.3. Информирование и согласие

Предоставление тканей человека в принципе требует предварительного, информированного и свободного согласия донора. Это не относится к случаям, когда ткани предоставляются по распоряжению судьи в рамках судебного разбирательства, в частности, разбирательства по уголовному делу.

Получение согласия является основополагающим этическим принципом в Европе, однако порядок получения такого согласия и его формы (устное или письменное, при свидетелях или без них, явно выраженное или предполагаемое и т.д.) устанавливаются национальным законодательством исходя из правовых традиций каждой страны...

2.3.2. Скончавшиеся доноры

Согласие донора на посмертное изъятие тканей может принимать различные формы в зависимости от системы, действующей в той или иной стране («явно выраженное» или «предполагаемое» согласие). Однако изъятие тканей не допускается иначе как в рамках судебного разбирательства, если при жизни донор формально возражал против их изъятия. При отсутствии волеизъявления, если в стране действует система «предполагаемого» согласия, врачи обязаны в максимальной степени обеспечить родственным или наследникам возможность выразить желание скончавшегося и должны принять его во внимание...».

33. Директива Европейского парламента и Европейского совета от 7 июля 2010 г. № 2010/45/ЕС «О стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации» предусматривает следующее:

«...[Преамбула]

...21) В Европейском союзе параллельно существует несколько вариантов получения согласия на донорство органов, в том числе системы, основанные на согласии, в рамках которых согласие на донорство органов должно быть выражено в явной форме, и системы, основанные на отказе, в рамках которых донорство органов допускается при отсутствии явно выраженных возражений против донорства. Чтобы дать физическим лицам

¹ Ответы на эти вопросы на английском языке см.: [http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/Activities/05_Organ_transplantation_en/CDBI_INF\(2003\)1rev2.pdf](http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/Activities/05_Organ_transplantation_en/CDBI_INF(2003)1rev2.pdf)

² ЕГЭ, созданная в декабре 1997 года, является независимым консультативным органом. Ее предшественницей была Группа консультантов при Европейской комиссии по этическим последствиям развития биотехнологий (специальный консультативный орган).

возможность выразить свое желание по данному вопросу, в некоторых государствах-участниках созданы специальные реестры, в которых ведется учет этих желаний граждан. Настоящая Директива действует без ущерба для широкого спектра систем регистрации согласия на донорство органов, действующих в настоящее время в государствах-участниках. Помимо этого, посредством Плана действий по донорству и трансплантации органов Европейская комиссия стремится повысить уровень осведомленности населения по вопросам донорства органов и, в частности, разработать механизмы по упрощению процесса идентификации доноров, предоставляющих свои органы, в пределах Европы...

ГЛАВА III. ЗАЩИТА ДОНОРОВ И РЕЦИПИЕНТОВ. ОТБОР И ОЦЕНКА ДОНОРОВ

Статья 13. Принципы донорства органов

1. Государства-участники обеспечивают добровольность и безвозмездность изъятия органов у умерших и живых доноров.

2. Принцип безвозмездности не препятствует получению живыми донорами компенсации за изъятие у них органов при условии, что размер этой компенсации строго ограничивается понесенными расходами и неполученными доходами, связанными с донорством. Государства-участники определяют условия получения такой компенсации, избегая при этом создания каких-либо финансовых стимулов или выгод для потенциальных доноров.

3. Государства-участники запрещают размещение объявлений о потребностях в донорских органах либо об их наличии, если эти объявления преследуют цель предложения или получения денежной прибыли либо сопоставимой с ней выгоды иного характера.

4. Государства-участники обеспечивают, что предоставление донорских органов осуществляется на некоммерческой основе.

Статья 14. Необходимость получения согласия

Предоставление органов производится только после соблюдения всех действующих в государстве-участнике требований, касающихся получения согласия, разрешения либо отсутствия возражений в связи с их изъятием...».

С. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Закон Латвийской Республики

«О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине»

34. Закон Латвийской Республики о защите тела скончавшегося человека, рассматриваемый в настоящем деле (с изменениями и дополнениями, действовавшими по состоянию на 1 января 2002 г.), предусматривает, что каждый живой дееспособный человек вправе в письменной форме сообщить о своем согласии на посмертное использование свое-

го тела или об отказе от подобного использования (статья 2). Выраженное таким образом желание, если оно не противоречит закону, является обязательным.

35. Статья 3 предусматривает, что для осуществления права сообщить о согласии на посмертное использование своего тела или об отказе от такого использования нужно обратиться в Управление по делам гражданства и миграции Латвии в порядке, предусмотренном постановлениями Кабинета министров Латвийской Республики. Юридическую силу имеет только отказ или согласие, зарегистрированные в реестре жителей Латвийской Республики. Порядок, в котором государственные органы в соответствии с законом обязаны запрашивать и получать эти сведения из реестра жителей Латвийской Республики, еще не был определен Кабинетом министров в то время, когда сын заявительницы впал в кому. Он был принят 11 июня 2002 г. и вступил в силу 15 июня 2002 г. в виде поправок к постановлению Кабинета министров № 89 (1999).

36. Согласно статье 4 («Права ближайших родственников») использование органов и тканей скончавшегося человека вопреки желанию, выраженному им при жизни, не допускается. В отсутствие явно выраженного желания их использование возможно, если никто из ближайших родственников скончавшегося (дети, родители, родные братья и сестры, муж или жена) не возражает против этого. Трансплантация допускается после биологической смерти или смерти головного мозга потенциального донора (статья 10).

37. Статья 11 предусматривает, в частности, что изъятие органов и тканей у скончавшегося донора для последующей трансплантации допускается, если при жизни он не возражал против этого и если его ближайшие родственники не запретили это изъятие.

38. Согласно переходным положениям Закона о защите тела скончавшегося человека штамп в паспорте человека, свидетельствующий о том, что он возражает против посмертного использования своего тела или согласен на такое использование, проставленный до 31 декабря 2001 г., действителен до выдачи нового паспорта или до подачи заявления в Управление по делам гражданства и миграции Латвийской Республики.

39. Статья 17 предусматривает, что государство несет ответственность за защиту тела скончавшегося человека и за использование его органов и тканей в медицине. В спорный период времени данная задача была возложена на Министерство благосостояния Латвийской Республики (с 30 июня 2004 г. – на Министерство здравоохранения Латвийской Республики). Без разрешения министерства (с 30 июня 2004 г. – министра) ни одна организация или орган власти не могут производить изъятие органов или тканей.

40. Статья 18 запрещает отбор, транспортировку и использование изъятых органов и тканей в коммерческих целях. Кроме того, она устанавливает, что изъятие органов и тканей у живого или скончавшегося человека допускается только в строгом соответствии с явно выраженным согласием или возражениями этого человека.

41. 2 июня 2004 г. Сейм Латвийской Республики принял поправки к статьям 4 и 11 Закона о защите тела скончавшегося тела, которые вступили в силу с 30 июня 2004 г. С этого времени статья 4 данного закона предусматривает, что при отсутствии в реестре жителей Латвийской Республики сведений об отказе скончавшегося человека от посмертного использования его тела, органов или тканей или о его согласии на такое использование его ближайшие родственники вправе в письменной форме сообщить медицинскому учреждению о желании скончавшегося, выраженном им при жизни. Статья 11 устанавливает, что изъятие органов и тканей тела у скончавшегося человека для последующей трансплантации допускается в случаях, если в реестре жителей Латвийской Республики отсутствуют сведения об отказе скончавшегося человека от посмертного использования органов или тканей или о его согласии на это использование, а ближайшие родственники скончавшегося до начала трансплантации не сообщили медицинскому учреждению в письменной форме о его возражениях против посмертного использования органов и тканей его тела, выраженных им при жизни. Изъятие органов и тканей у скончавшегося ребенка для последующей трансплантации запрещается, если один из его родителей или его законный представитель не дал на это письменного согласия.

2. Постановление Кабинета министров Латвийской Республики № 431 (1996)

42. Данное постановление предусматривает, что изъятие органов допускается после биологической смерти или смерти головного мозга человека, если в его паспорте или медицинской карте стоит штамп, свидетельствующий о согласии на изъятие органов (пункт 3). При отсутствии такого штампа применяются положения Закона о защите тела скончавшегося человека (см. выше).

43. При поступлении в больницу потенциального донора необходимо связаться с координатором центра трансплантации (пункт 11). Изъятие почек должно осуществляться двумя врачами-трансплантологами, координатором и одной или двумя медсестрами из центра трансплантации (пункт 12).

3. Уголовное законодательство Латвийской Республики

44. Статья 139 Уголовного кодекса Латвийской Республики предусматривает, что незаконное изъ-

ятие органов или тканей у живого или скончавшегося человека для их использования в медицине, если оно произведено врачом, является преступлением.

45. Нормы, касающиеся прав истца и ответчика по гражданскому иску, поданному в рамках производства по уголовному делу согласно положениям прежнего Уголовно-процессуального кодекса Латвийской Республики (действовавшего до 1 октября 2005 г.), которые имеют отношение к настоящему делу, см. в Постановлении Европейского Суда по делу «Лигере против Латвии» (*Ligeres v. Latvia*) от 28 июня 2011 г., жалоба № 17/02, §§ 39–41, и в Решении Европейского Суда по жалобе «Пундурс против Латвии» (*Pundurs v. Latvia*) от 20 сентября 2011 г., жалоба № 43372/02, §§ 12–17).

4. Гражданское законодательство Латвийской Республики

46. Положения Гражданского кодекса Латвийской Республики (до и после внесения в них изменений, которые вступили в силу с 1 марта 2006 г.), касающиеся возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, имеющие отношение к настоящему делу, полностью приведены в Постановлении Европейского Суда по делу «Заволока против Латвии» (*Zavoloka v. Latvia*) от 7 июля 2009 г., жалоба № 58447/00, §§ 17–19). Статьи 1635 и 1779 данного кодекса подробно рассмотрены в Постановлении Европейского Суда по делу «Холоденко против Латвии» (*Holodenko v. Latvia*) от 2 июля 2013 г., жалоба № 17215/07, § 45).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

47. Заявительница утверждала, по делу допущено нарушение статьи 8 Конвенции, выразившееся в том, что изъятие органов у ее сына осуществлялось без его предварительного согласия и без предварительного согласия самой заявительницы. Статья 8 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

48. Власти государства-ответчика отрицали, что по делу имело место нарушение положений этой статьи Конвенции.

А. СОДЕРЖАНИЕ ЖАЛОБЫ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

1. Доводы сторон

49. Власти государства-ответчика выдвинули довод, касающийся содержания жалобы заявительницы. По их мнению, в формуляре жалобы заявительница жаловалась в Европейский Суд на нарушение прав своего сына, предусмотренных статьей 8 Конвенции, в связи с тем, что изъятие у него органов осуществлялось без его предварительного согласия и без предварительного согласия заявительницы. По их утверждениям, ничто в материалах дела не указывает на то, что заявительница когда-либо жаловалась на нарушение своих конвенционных прав.

50. Кроме того, власти государства-ответчика считали, что заявительница не может считаться жертвой предполагаемого нарушения конвенционных прав своего сына.

51. Заявительница не согласилась с этим доводом, утверждая, что она подала жалобу от своего имени. В поле «заявитель(-ница)» формуляра жалобы она указала свое имя, и очевидно, что в отсутствие каких-либо конкретных указаний на обратное она жаловалась на нарушение своих конвенционных прав. В качестве дополнительного подтверждения этой позиции она привела выдержки из формуляра своей жалобы. Заявительница отмечала, что в ее представлениях указано: «Я полагаю, что по делу нарушена статья 8 Конвенции», – и что ей как «матери Олега Петрова отказали в предоставленном законом праве возражать против изъятия органов».

52. Заявительница подтвердила, что считает себя жертвой нарушения Конвенции.

2. Мнение Европейского Суда

53. Рассмотрев имеющиеся в его распоряжении материалы дела, Европейский Суд отмечает следующее. В формуляре жалобы, направленном в Европейский Суд 18 января 2005 г., содержится несколько указаний на то, что жалоба была подана от имени заявительницы Светланы Петровой. В формуляре жалобы указана необходимая информация о самой заявительнице: ее полное имя и контактные данные. Формуляр жалобы подписан сестрой заявительницы, Людой Белрусе, которой заявительница выдала доверенность на право действовать в ее интересах. Далее в своих замечаниях по делу заявительница уточняла, что хотела подать жалобу от своего имени. Она процитировала свои

доводы из формуляра жалобы и подтвердила, что в жалобе идет речь о ее собственных правах.

54. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что жалоба в принципе не может быть подана от имени скончавшегося человека, поскольку его нельзя считать «лицом» (англ. *person*, франц. *personne physique*) для целей применения статьи 34 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дворжачек и Дворжачкова против Словакии» (*Dvořáček and Dvořáčková v. Slovakia*) от 28 июля 2009 г., жалоба № 30754/04, § 41, Постановление Европейского Суда по делу «Айспуруа Ортис и другие против Испании» (*Aizpurua Ortiz and Others v. Spain*) от 2 февраля 2010 г., жалоба № 42430/05, § 30).

55. Европейский Суд напоминает о необходимости проводить различие между делами, в которых заявитель скончался в ходе рассмотрения дела, и делами, жалоба по которым была подана в Европейский Суд наследниками заявителя после смерти жертвы (см. Решение Европейского Суда по жалобе «Фэрфилд против Соединенного Королевства» (*Fairfield v. United Kingdom*), жалоба № 24790/04, *ECHR* 2005-VI, Постановление Европейского Суда по делу «Бич и другие против Турции» (*Biç and Others v. Turkey*) от 2 февраля 2006 г., жалоба № 55955/00, § 20, а также более позднее (и еще не вступившее в силу) Постановление Европейского Суда по делу «Эргезен против Турции» (*Ergezen v. Turkey*) от 8 апреля 2014 г., жалоба № 73359/10¹, § 28, и другие Постановления Европейского Суда, на которые он ссылается). В случаях, когда заявитель скончался до того, как жалоба была подана в Европейский Суд, Европейский Суд подчеркивал, что права, предусмотренные статьей 8 Конвенции, имеют ярко выраженный личный и неотчуждаемый характер (см. Решение Европейского Суда по жалобе «Санлес Санлес против Испании» (*Sanles Sanles v. Spain*), жалоба № 48335/99, *ECHR* 2000-XI). В связи с этим в принципе родственники или наследники заявителя не могут ссылаться на статью 8 Конвенции, если рассматриваемое вмешательство не затрагивало их лично.

56. В настоящем деле права скончавшегося Петрова и его матери, заявительницы по этому делу, тесно связаны между собой. Законодательство Латвийской Республики в период, относящийся к обстоятельствам дела, прямо устанавливало, что право выражать желание относительно посмертного изъятия органов или тканей тела принадлежит не только потенциальному донору, но и его ближайшим родственникам, в том числе родителям (см. §§ 36 и 37 настоящего Постановления). Однако в настоящем деле Европейский Суд считает необязательным рассматривать подробно вопрос о

¹ Данное Постановление вступило в силу 8 июля 2014 г. (примеч. редактора).

том, возможен ли переход соответствующих прав от одного лица к другому, поскольку заявительница жалуется на нарушение своих прав в связи с посмертным изъятием органов у ее сына. Вопреки утверждениям властей государства-ответчика, Европейский Суд приходит к выводу, что в формуляре жалобы заявительница прямо изъявила намерение подать жалобу от своего имени и не отступила от этой позиции в своих замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы и по существу дела.

57. Следовательно, возражение властей государства-ответчика относительно содержания жалобы заявительницы должно быть отклонено.

58. Установив, что жалоба заявительницы касается ее ковенционных прав, а не прав ее умершего сына, Европейский Суд считает необязательным обособленно рассматривать довод властей государства-ответчика об отсутствии у заявительницы статуса жертвы.

В. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

59. Во-первых, власти государства-ответчика выдвинули предварительное возражение о неисчерпани внутренних средств правовой защиты со ссылкой на Решение Европейского Суда по жалобе «Гришанкова и Гришанков против Латвии» (Grišankova and Grišankovs v. Latvia), жалоба № 36117/02, ECHR 2003-II (извлечения). Они считали, что заявительнице следовало обратиться с жалобой в Конституционный суд Латвийской Республики, поскольку изъятие органов у сына было произведено в порядке, предусмотренном статьями 4 и 11 Закона о защите тела скончавшегося человека. По мнению властей государства-ответчика, заявительнице следовало поставить вопрос о соответствии этих правовых норм Конституции Латвийской Республики.

60. Во-вторых, власти государства-ответчика утверждали, что заявительница не подавала жалоб в Инспекцию. Власти государства-ответчика подчеркивали, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, Инспекция была вправе рассматривать жалобы заявительницы. Кроме того, заявительница не обжаловала заключение Инспекции, представленное в полицию безопасности Латвийской Республики и прокуратуру. Власти государства-ответчика утверждали, что рассмотрение Инспекцией вопроса о соответствии процедуры изъятия органов внутригосударственному законодательству является необходимой предпосылкой возбуждения гражданского или уголовного дела в отношении виновных. Власти государства-ответчика не представили какой-либо дополнительной информации по данному вопросу.

61. В-третьих, власти государства-ответчика указывали, что заявительница могла сослаться на

статью 1635 Гражданского кодекса Латвийской Республики (в редакции, действующей с 1 марта 2006 г.) и подать во внутригосударственные суды гражданский иск о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда. У заявительницы еще оставалась возможность прибегнуть к этому средству правовой защиты. Ссылаясь на Решение по делу «Андрасик и другие против Словакии» (Andrasik and Others v. Slovakia) от 22 октября 2002 г., жалоба № 57984/00, власти государства-ответчика утверждали, что возможность воспользоваться предложенным средством правовой защиты появилась вскоре после того, как заявительница подала жалобу в Европейский Суд 18 января 2005 г. Власти государства-ответчика привели примеры решений внутригосударственных судов, касающихся практического применения статьи 1635 Гражданского кодекса. Они ссылались на разбирательство по делу PAC-714 (возбужденному 7 февраля 2005 г.), в котором истица пыталась взыскать компенсацию морального вреда с больницы, где она родила ребенка и где ей без ее согласия сделали перевязку маточных труб (хирургическую контрацепцию) (см. еще не вступившее в силу Постановление Европейского Суда по делу «L.H. против Латвии» (L.H. v. Latvia) от 29 апреля 2014 г., жалоба № 52019/07¹, § 8). 1 декабря 2006 г. ее иски были удовлетворены, и на основании статьи 2349 Гражданского закона Латвийской Республики истице были присуждены компенсации за причиненные телесные повреждения и морального вреда в размере 10 000 латвийских латов в связи с незаконной стерилизацией. Решение суда вступило в силу 10 февраля 2007 г. Кроме того, власти государства-ответчика указывали на одно из дел о трагедии в г. Талси (возбужденное 15 сентября 2006 г.), в котором апелляционный суд 16 марта 2010 г. обязал государство выплатить компенсацию в размере 20 000 латвийских латов в связи с несчастным случаем, произошедшим в г. Талси 28 июня 1997 г., в результате которого погибли дети, в том числе дочь истицы. Окончательное решение по этому делу было принято 28 сентября 2011 г. Власти государства-ответчика не предоставили копий решений по последнему делу.

62. Наконец, допуская, что предполагаемое нарушение является следствием фактических формулировок соответствующих положений внутригосударственного законодательства, власти государства-ответчика утверждали, что заявительница пропустила шестимесячный срок для обращения в Европейский Суд, поскольку, по их мнению, жалобы в полицию безопасности Латвийской Республики и прокуратуру не являлись эффективными средствами правовой защиты. Даже если бы

¹ Данное Постановление вступило в силу 29 июля 2014 г. (примеч. редактора).

они и являлись таковыми, результат разбирательства в этих органах во многом зависел бы от рассмотрения дела Инспекцией, заключение которой заявительница не оспаривала. Власти государства-ответчика указывали, что заявительница узнала об изъятии органов 11 февраля 2003 г., а заключение Инспекции было вынесено 7 мая 2003 г. Власти Латвийской Республики пришли к заключению, что заявительница не подала жалобу в Европейский Суд в течение шести месяцев, начиная с любой из этих двух дат.

63. Заявительница не согласилась с этими доводами. Говоря о первом средстве правовой защиты, на которое ссылались власти государства-ответчика, обращении в Конституционный суд Латвийской Республики, заявительница отмечала, что в компетенцию Конституционного суда не входит рассмотрение правильности толкования той или иной конкретной правовой нормы. Дело «Гришанков и Гришанкова против Латвии» касается правовой нормы, которую заявители по этому делу считали противоречащей Конвенции. Заявительница по настоящему делу, ссылаясь на статью 11¹, отмечала, что действующая в Латвийской Республике система «предполагаемого согласия» ограничивается желанием, выраженным родственниками. Она считала, что в настоящем деле вопрос заключается не в самой правовой норме, а в том, что при изъятии органов у ее сына не было предпринято вообще каких-либо попыток выяснить мнение его ближайших родственников. В связи с этим Постановление Европейского Суда по делу «Гришанков и Гришанков против Латвии» неприменимо к настоящему делу.

61. Относительно второго средства правовой защиты, на которое ссылались власти государства-ответчика, подача жалобы в Инспекцию, заявительница была согласна с тем, что она не подавала туда жалобу. Однако в ответ на ее жалобу, направленную в полицию безопасности Латвийской Республики и прокуратуру, и та, и другая затребовали представить соответствующее заключение. Даже если бы заявительница обратилась с подобной жалобой лично, результат был бы тем же. По утверждениям заявительницы, она не смогла бы обжаловать заключение Инспекции, так как оно представляло собой не административный акт, а экспертное заключение, составленное в рамках производства по уголовному делу, и обжалованию не подлежало. В любом случае самого по себе заключения Инспекции было недостаточно для того, чтобы загладить причиненный заявительнице вред, к тому же заключение не являлось юридически обязательным актом. Для подтверждения своих доводов заявительница ссылалась на Постановление Европейского Суда по делу «Мануссакис и другие против Греции» (*Manoussakis and Others v. Greece*)

¹ Так в оригинале. Возможно, имеется в виду статья 11 Закона о защите тела скончавшегося человека (*примеч. редактора*).

от 26 сентября 1996 г., § 33, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV.

65. Что касается третьего средства правовой защиты, на которое ссылались власти государства-ответчика, заявительница подчеркивала, что статья 139 Уголовного кодекса Латвийской Республики прямо предусматривает уголовную ответственность за незаконное изъятие органов или тканей человека. Заявительница отмечала, что, воспользовавшись своим правом выбирать средство правовой защиты, она хотела установить лиц, виновных в изъятии органов у ее сына и подлежавших в связи с этим уголовной ответственности. Заявительница сделала всё, что можно было от нее ожидать в рамках производства по уголовному делу, и нельзя было требовать, чтобы она подала бы и гражданский иск по тому же вопросу. В связи с этим она ссылалась на Постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Asenov and Others v. Bulgaria*) от 28 октября 1998 г., § 86, *Reports* 1998-VIII, и на Решение Европейской комиссии прав человека по делу «Фредриксен и другие против Дании» (*Fredriksen and Others v. Denmark*) от 3 мая 1988 г., жалоба № 12719/87, *DR* 56, p. 237.

66. Наконец, относительно соблюдения правила шестимесячного срока для подачи жалобы заявительница не согласилась с тем, что возбуждение уголовного дела не является эффективным средством правовой защиты. Она напоминает, что в настоящем деле вопрос заключается не в соответствии той или иной правовой нормы Конституции Латвийской Республики, а в том, что при изъятии органов у сына ей не дали возможности выразить свое мнение. В заключении Инспекции только излагалось полученное в рамках производства по уголовному делу мнение экспертов по некоторым из множества возникших в данном деле вопросов, и это заключение не являлось окончательным решением по делу.

2. Мнение Европейского Суда

67. Постольку, поскольку власти государства-ответчика считали жалобу в Конституционный суд Латвийской Республики средством правовой защиты, адекватным в обстоятельствах дела заявительницы, Европейский Суд считает, что подача такой жалобы не является эффективным способом защиты прав заявительницы, предусмотренных статьей 8 Конвенции, по следующим соображениям.

68. Европейский Суд уже анализировал вопросы, которые может рассматривать Конституционный суд Латвийской Республики (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гришанкова и Гришанков против Латвии», Решение Европейского Суда по жалобе «Лиепайникс против Латвии» (*Liepājnīeks v. Latvia*) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 37586/06, §§ 73–76, Постановление Европейского Суда по

делу «Савич против Латвии» (Savičs v. Latvia) от 27 ноября 2012 г., жалоба № 17892/03, §§ 113–117, Постановление Европейского Суда по делу «Михайловс против Латвии» (Mihailovs v. Latvia) от 22 января 2013 г., жалоба № 35939/10, §§ 157–158, Постановление Европейского Суда по делу «Нагла против Латвии» (Nagla v. Latvia) от 16 июля 2013 г., жалоба № 73469/10, § 48, а также Решение Европейского Суда по жалобе «Латвийская ассоциация молодых фермеров против Латвии» (Latvijas jauno zemnieku asociācija v. Latvia) от 17 декабря 2013 г., жалоба № 14610/05, §§ 44–45).

69. Европейский Суд уже отмечал, что Конституционный суд Латвийской Республики рассматривает, в частности, индивидуальные жалобы на неконституционность правовых норм и их несоответствие нормам, обладающим большей юридической силой. Лицо может подать в Конституционный суд жалобу на ту или иную правовую норму только в том случае, если оно считает, что эта норма нарушает его основные права, закрепленные в Конституции Латвийской Республики. Следовательно, обращение с индивидуальной жалобой в Конституционный суд не может служить эффективным средством правовой защиты, если предполагаемое нарушение является следствием лишь неправильного применения или толкования правовой нормы, которая по своему содержанию не является неконституционной (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по жалобе «Латвийская ассоциация молодых фермеров против Латвии», §§ 44–45).

70. В настоящем деле Европейский Суд полагает, что в жалобе заявительницы на изъятие органов не поднимается вопрос о несоответствии одной правовой нормы другой, обладающей большей юридической силой. По мнению властей государства-ответчика, изъятие органов было проведено в предусмотренном законом порядке. Заявительница, со своей стороны, не утверждала, что порядок изъятия органов не соответствовал Конституции Латвийской Республики, а отмечала, что при этом не было принято во внимание ее мнение как ближайшей родственницы донора. Европейский Суд считает, что жалоба заявительницы касается применения и толкования законодательства Латвийской Республики, в частности, с учетом отсутствия соответствующих административных актов, и нельзя сказать, что в деле возникают какие-либо вопросы о несоответствии друг другу различных правовых норм. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что заявительница не должна была использовать предложенные властями государства-ответчика средства правовой защиты.

71. По поводу обращения в Инспекцию Европейский Суд отмечает, что ее заключение было составлено для целей производства по уголовному делу, возбужденному по жалобам зая-

вительницы (см. в качестве противоположного примера Решение Европейского Суда по жалобе «Жарскис против Латвии» (Žarskis v. Latvia) от 17 марта 2009 г., жалоба № 33695/03, § 23, Решение Европейского Суда по жалобе «Руža против Латвии» (Ruža v. Latvia) от 11 мая 2010 г., жалоба № 33798/05, § 19, Решение Европейского Суда по жалобе «Букс против Латвии» (Buks v. Latvia) от 4 сентября 2012 г., жалоба № 18605/03, § 11, а также Решение Европейского Суда по жалобе «Федосеевс против Латвии» (Fedosejevs v. Latvia) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 37546/06, § 17). То обстоятельство, что заявительница не подавала жалобу в Инспекцию, не имеет значения в настоящем деле, поскольку этот орган подготовил заключение для целей уголовного процесса. Европейский Суд не понимает, как в этих условиях заявительница могла оспорить выводы Инспекции, учитывая, что они просто отражали мнение экспертов по поводу того, соблюдали ли врачи при изъятии органов требования закона или нет. В любом случае Европейский Суд отмечает, что обычно задача следственных органов и органов прокуратуры заключается в том, чтобы установить, было ли совершено преступление, и что при выполнении данной задачи указанные органы принимают во внимание все доказательства, в том числе и заключения специалистов. Поскольку заявительница обжаловала все решения, принятые следственными органами и органами прокуратуры, Европейский Суд не может поставить ей в вину то, что она не подала отдельной жалобы в Инспекцию.

72. Относительно возможности подать гражданский иск о компенсации вреда Европейский Суд в деле «Кальвелли и Чильо против Италии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии» (Calvelli and Ciglio v. Italy), жалоба № 32967/96, § 51, ECHR 2002-1), в частности, указал:

«...В конкретном контексте преступной небрежности медицинских работников данное обязательство может также быть выполнено, например, если в рамках правовой системы потерпевшим обеспечивается средство правовой защиты в виде возможности подать в суд гражданский иск сам по себе или в сочетании со средством правовой защиты в виде обращения в суд с целью осуществить уголовное преследование, давая возможность установить ответственность допустивших небрежность врачей, а также должным образом устранить негативные последствия нарушения гражданско-правовыми средствами, такими, как распоряжение о возмещении ущерба и опубликование решения. Кроме того, может быть рассмотрен вопрос о применении дисциплинарных мер...».

73. Далее Европейский Суд ранее отмечал, что этот принцип применяется и в тех случаях, когда право на жизнь или личную неприкосновенность было нарушено неумышленно (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во про-

тив Франции» (Vo v. France), жалоба № 53924/00, § 90, ECHR 2004-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерйылдыз против Турции» (Öperyıldız v. Turkey), жалоба № 48939/99, § 92, ECHR 2004-XII).

74. Вместе с тем Европейский Суд уже приходил к выводу о том, что при наличии у лица нескольких внутригосударственных средств правовой защиты, которыми можно воспользоваться, оно вправе выбрать средство правовой защиты по своей основной жалобе (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ясинскис против Латвии» (Jasiņskis v. Latvia) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 45744/08, § 50). Европейский Суд отмечает, что заявительница по настоящему делу решила добиваться уголовного преследования виновных в соответствии с применимыми положениями внутригосударственного законодательства. Выбранное ею средство правовой защиты могло привести к выводу о том, что изъятие органов у ее сына не было осуществлено в порядке, предусмотренном законодательством Латвийской Республики, а права заявительницы как ближайшей родственницы донора были нарушены. В конечном счете оно могло бы повлечь за собой присуждение компенсации, учитывая, что в правовой системе Латвийской Республики признается право потерпевших подавать в рамках производства по уголовному делу гражданские иски и требовать выплаты компенсации причиненного преступлением вреда (см. § 45 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах ничто не позволяет предположить наличие у заявительницы правомерных оснований ожидать, что указанное средство уголовно-правовой защиты окажется в ее деле неэффективным.

75. Европейский Суд полагает, что заявительнице не требовалось дополнительно подавать во внутригосударственные суды отдельный гражданский иск о компенсации вреда, который также мог привести к выводу о том, что изъятие органов у ее сына не было произведено в порядке, предусмотренном законодательством Латвийской Республики, а права заявительницы как ближайшей родственницы донора были нарушены (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сергиенко против Украины» (Sergiyenko v. Ukraine) от 19 апреля 2012 г., жалоба № 47690/07, §§ 40–43, Постановление Европейского Суда по делу «Арская против Украины» (Arskaya v. Ukraine) от 5 декабря 2013 г., жалоба № 45076/05, §§ 75–81, и Постановление Европейского Суда по делу «Валерий Фуклев против Украины» (Valeriy Fuklev v. Ukraine) от 16 января 2014 г., жалоба № 6318/03, §§ 77–83, в котором заявителям не требовалось подавать отдельные гражданские иски в связи с предполагаемой преступной небрежностью медицинских работников).

76. Наконец, принимая во внимание вышеизложенные соображения в отношении возможности

подать жалобу в Конституционный суд Латвийской Республики и добиваться уголовного преследования виновных лиц, Европейский Суд не считает, что жалоба была подана с нарушением установленных сроков. Вопреки мнению властей государства-ответчика последнее внутригосударственное решение для целей исчисления шестимесячного срока было принято Генеральным прокурором Латвийской Республики 23 августа 2004 г.

77. С учетом вышесказанного Европейский Суд полагает, что жалоба заявительницы на нарушение статьи 8 Конвенции не может быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты или несоблюдением правила шестимесячного срока для подачи жалобы. Соответственно, выдвинутые в связи с этим возражения властей государства-ответчика должны быть отклонены. Далее Европейский Суд напоминает, что личная и семейная жизнь – широкие понятия, которым невозможно дать исчерпывающее определение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Адри-Вионне против Швейцарии» (Hadri-Vionnet v. Switzerland) от 14 февраля 2008 г., жалоба № 55525/00, § 51). В деле «Паннулло и Форте против Франции» (Постановление Европейского Суда по делу «Паннулло и Форте против Франции» (Pannullo and Forte v. France), жалоба № 37794/97, § 36, ECHR 2001-X) Европейский Суд посчитал чрезмерную задержку, допущенную властями Франции при выдаче тела ребенка заявителей после вскрытия, вмешательством в их личную и семейную жизнь. Кроме того, Европейский Суд приходил к выводу, что отказ следственных органов вернуть родственникам тела погибших представлял собой вмешательство в личную и семейную жизнь заявителей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сабанчиева и другие против Российской Федерации» (Sabanchiyeva and Others v. Russia), жалоба № 38450/05¹, § 123, ECHR 2013 (извлечение), Постановление Европейского Суда по делу «Масхадова и другие против Российской Федерации» (Maskhadova and Others v. Russia) от 6 июня 2013 г., жалоба № 18071/05², § 212). Европейский Суд отмечает отсутствие у сторон разногласий по поводу того, что предусмотренное внутригосударственным законодательством право заявительницы выражать согласие на изъятие органов у своего сына или отказ от их изъятия (см. § 87 настоящего Постановления) подпадает под сферу действия статьи 8 Конвенции. Власти государства-ответчика не оспаривали это. Европейский Суд не видит причин приходить к иному выводу и, таким образом, считает данную статью Конвенции применимой в настоящем деле.

¹ Опубликовано в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 1/2014.

² Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 4/2014.

Европейский Суд отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

С. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(a) Заявительница

78. Заявительница считала, что изъятие органов у сына без ее согласия представляло собой вмешательство в ее личную и семейную жизнь. Заявительница подчеркивала, что она была лишена предоставленного ей внутригосударственным законодательством права возражать против изъятия органов у сына. Она отмечала, что еще при жизни сына были проведены исследования органов, изъятых у него после смерти, а также были сделаны анализы крови, чтобы определить совместимость этих органов с телом потенциального реципиента для последующей трансплантации.

79. Ссылаясь на дело «Х и У против Нидерландов», заявительница утверждала, что, хотя целью статьи 8 Конвенции является в основном защита человека от произвольного вмешательства в осуществление его прав со стороны органов государственной власти, она не просто вынуждает государство воздерживаться от такого вмешательства. В дополнение к этому преимущественно негативному предписанию могут существовать позитивные обязательства, неразрывно связанные с эффективным уважением личной и семейной жизни, и эти обязательства предполагают принятие мер, направленных на обеспечение уважения личной или семейной жизни (см. Постановление Европейского Суда по делу «Х и У против Нидерландов» (X and Y v. Netherlands) от 26 марта 1985 г., § 23, Series A, № 91). Далее она ссылаясь на дело «Чьюботару против Молдавии», подтверждающее, что позитивные обязательства включают в себя определенные позитивные процессуальные гарантии, например наличие эффективных процедур, с помощью которых заявители могут отстаивать свои права, предусмотренные статьей 8 Конвенции, на условиях справедливости, и не в последнюю очередь в связи с вопросами доказывания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чьюботару против Молдавии» (Ciubotaru v. Moldova) от 27 апреля 2010 г., жалоба № 27138/04, § 51).

80. Кроме того, заявительница считала, что вмешательство в осуществление ею прав не было предусмотрено законом и не являлось необходимым в значении положений пункта 2 статьи 8 Конвенции. Относительно первого из этих доводов внутригосударственное законодательство, предоставляя бли-

жайшим родственникам донора право выражать имеющее обязательную силу желание относительно изъятия органов, соблюдает, по мнению заявительницы, правильное равновесие между личной и семейной жизнью и правами других лиц. В обстоятельствах дела заявительницы внутригосударственные власти не выполнили своей обязанности создать условия для выражения этого желания. Для того, чтобы вмешательство было «предусмотрено законом», положения закона должны быть четко сформулированы и должны предоставлять возможность осуществления охраняемых прав. В том, что касается второго довода, заявительница утверждала, что вмешательство в ее права являлось несоизмеримым. Следовало предусмотреть какой-либо механизм, позволяющий установить желание умирающего человека с помощью его ближайших родственников, если он не сообщил о своем желании при жизни. Существование подобного механизма было бы соразмерным, в меньшей степени ограничивая право на личную и семейную жизнь и не препятствуя реализации правомерных интересов общества, так как круг близких родственников, которые могли бы возражать против изъятия органов, остался бы очень узким. В таких случаях можно было бы исходить из предположения, что отсутствие ответа со стороны родственников донора – по истечении установленного срока и после того, как с ними связались и попросили их выразить свое мнение, – является согласием. Заявительница считала, что отсутствовала настоятельная общественная потребность, которая могла бы освободить власти от обязанности попытаться выяснить мнение ближайших родственников лица относительно изъятия у него органов.

(b) Доводы властей Латвийской Республики

81. Власти Латвийской Республики утверждали, что «система предполагаемого согласия» допускает вмешательство в осуществление лицом его права на личную жизнь, предусмотренного статьей 8 Конвенции. Они отмечали, что изъятие органов было произведено в соответствии с внутригосударственным законодательством. Закон установил «систему предполагаемого согласия», которая преследует цель охраны здоровья и защиты прав других лиц. Власти государства-ответчика подчеркивали, что действующая «система предполагаемого согласия» не является новаторской и Латвийская Республика не единственное государство, применяющее эту систему, она действует еще в 11 государствах.

82. Вместе с тем власти государства-ответчика признали, что отсутствует решение вопроса о том, является ли предполагаемое согласие достаточным условием изъятия органов для последующей трансплантации или для этого требуется явно выраженное согласие, и что в самих государствах-участниках не сформировалось единой практи-

ки в этой области. Власти государства-ответчика отмечали, что истоки предмета спора находятся во внутригосударственных национальных правовых традициях и что отсутствует общеевропейское согласие о том, что необходимо неуклонно следовать какой-то одной из этих двух систем. Власти Латвийской Республики считали, что инициатива законодателя по введению «системы предполагаемого согласия» полностью соответствует общепризнанной норме, согласно которой не допускается изъятие органов у скончавшегося человека вопреки его явно выраженному или предполагаемому желанию. Они утверждали, что государство-участник может решать, возможно ли изъятие органов при отсутствии явно выраженного желания скончавшегося и если да, то на каких условиях, например, исходя из желания его ближайших родственников. В этой связи власти государства-ответчика ссылались на пункт 1 статьи 10 Резолюции (78) 29 (см. § 27 настоящего Постановления). Они напомнили, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, законодательство Латвийской Республики предусматривало возможность регистрации желания человека относительно изъятия у него органов.

83. Принимая во внимание широкую свободу усмотрения властей в этой области, власти государства-ответчика подчеркивали, что получение предусмотренного внутригосударственным законодательством, «предполагаемого согласия» является процессом, требующим от лица или его ближайшего родственника активно выразить свои возражения против совершения с телом этого человека определенных действий. Власти государства-ответчика отмечали, что соответствующая норма внутригосударственного законодательства предусматривает наличие процедуры, в соответствии с которой лицо, возражающее против изъятия его органов или органов другого лица (в настоящем деле органов сына заявительницы), должно вмешаться и принять активные меры, тем самым фактически запретив изъятие органов.

84. Власти государства-ответчика были не согласны с доводами заявительницы и утверждали, что в рамках «системы предполагаемого согласия» она не была лишена права возражать против изъятия органов у ее сына. Они считали, что заявительница сама не предприняла каких-либо действий для того, чтобы установить местонахождение сына, получить информацию о состоянии его здоровья или своевременно сообщить о своем мнении относительно возможного изъятия у него органов. Власти государства-ответчика отмечали, что, если ближайшие родственники скончавшегося лица отсутствуют в больнице, внутригосударственное законодательство не обязывает ни врача, ни медицинское учреждение делать запросы с целью выяснить, нет ли у родственников возражений против возможного изъятия органов. В связи с этим они ссылались на внутригосударственное судебное

решение (дело № 1840000303), в котором городской суд подтвердил, что статья 4 Закона о защите тела скончавшегося человека предусматривает право ближайших родственников скончавшегося лица возражать против изъятия у него органов, но не обязывает медицинского эксперта разъяснять эти права родственникам. Кроме того, власти государства-ответчика ссылались на мнение ученых-теоретиков в области юриспруденции и медицины, считающих, что противоречие, неизбежно возникающее между огромным эмоциональным воздействием в связи со смертью лица на его семью и быстротой, с которой необходимо принять решение о трансплантации органов, приводит к возникновению непростых этических проблем.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы

85. Объектом статьи 8 Конвенции является в основном защита человека от произвольного вмешательства в осуществление его прав со стороны органов государственной власти. Любое вмешательство с точки зрения пункта 1 статьи 8 Конвенции должно быть оправдано в соответствии с положениями пункта 2 этой же статьи Конвенции: необходимо, чтобы оно было «предусмотрено законом» и «необходимо в демократическом обществе» для достижения одной или нескольких указанных в нем правомерных целей. Понятие необходимости предполагает, что вмешательство соотносится с настоятельной общественной потребностью и, в частности, соразмерно одной из преследуемых государством правомерных целей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии» (A, B and C v. Ireland) от 16 декабря 2010 г., жалоба № 25579/05, §§ 218–241).

86. Европейский Суд ссылается на толкование в его прецедентной практике выражения «предусмотрено законом» (соответствующие положения кратко изложены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (S. and Marper v. United Kingdom), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, §§ 95–96, ECHR 2008). Особое значение в настоящем деле имеет требование о том, чтобы оспариваемая мера имела какие-либо основания во внутригосударственном законодательстве, которое должно соответствовать принципу верховенства права. Это, в свою очередь, означает, что положения внутригосударственного законодательства должны быть четко сформулированы и обеспечивать эффективную правовую защиту от произвола. Соответственно, они должны достаточно ясно определять пределы свободы усмотрения, предоставляемой компетентным органам власти, и порядок ее осуществления (см. среди недавно вынесенных упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «L.H. против Латвии», § 47).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

87. Относительно предполагаемого вмешательства Европейский Суд, обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, отмечает, что в результате дорожно-транспортного происшествия сын заявительницы получил опасные для жизни травмы, от которых после того, как была предпринята попытка спасти его жизнь, он умер. Сразу после смерти у него были изъяты почки и селезенка для последующей трансплантации органов. Заявительнице, одной из его ближайших родственниц, об этом не сообщили, поэтому она не смогла реализовать определенные права, которые, как она утверждает, были предусмотрены внутригосударственным законодательством, в частности, право сообщить о своем согласии на изъятие органов у сына или об отказе от их изъятия.

88. Европейский Суд отмечает отсутствие в настоящем деле спора о том, что обе больницы, Рижская 1-я городская больница и Университетская клиническая больница им. Паула Страдина, являются государственными учреждениями и что действия и бездействие их медицинских сотрудников могут повлечь за собой ответственность государства-ответчика согласно положениям Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гласс против Соединенного Королевства» (*Glass v. United Kingdom*), жалоба № 61827/00, § 71, *ECtHR* 2004-II).

89. Европейский Суд полагает, что указанных выше обстоятельств достаточно, чтобы прийти к выводу о том, что по делу было допущено вмешательство в осуществление заявительницей права на уважение личной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции.

90. Что касается того, было ли это вмешательство «предусмотрено законом», Европейский Суд отмечает, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, законодательство Латвийской Республики прямо предусматривало право не только потенциального донора, но и его ближайших родственников, в том числе родителей, выражать свое мнение относительно изъятия органов после его смерти (см. §§ 36 и 37 настоящего Постановления). Стороны по делу этого не оспаривали. Однако они разошлись во мнениях по вопросам осуществления этого права. С точки зрения заявительницы, внутригосударственные власти не выполнили своей обязанности создать условия для того, чтобы она могла выразить свое мнение относительно изъятия органов у сына для последующей трансплантации. По утверждениям властей государства-ответчика, действующая в Латвийской Республике «система предполагаемого согласия» является активным процессом и предполагает, что заинтересованные лица предпримут активные действия, если захотят запретить изъятие органов. Европейский Суд считает, что эти вопросы имеют отношение к качеству законодательства Латвийской Республики, в частности, к тому, было ли оно сформулировано

достаточно четко и обеспечивало ли полноценную правовую защиту от произвола в отсутствие соответствующих административных актов.

91. В этом контексте Европейский Суд подчеркивает, что основное разногласие между сторонами заключается в том, было ли законодательство, которое в принципе наделяло ближайших родственников потенциального донора правом выражать желание в связи с предстоящим изъятием органов, сформулировано достаточно четко в отношении реализации этого права. Заявительница утверждала, что отсутствовал механизм, позволяющий ей реализовать это право, а власти государства-ответчика считали, что такой механизм был предусмотрен и что ближайшие родственники лица сами должны выполнить определенные действия, если не хотят допустить изъятия органов у родственника.

92. Вместе с тем Европейский Суд должен отметить, что, когда речь идет о внутригосударственном законодательстве, в его задачу не входит рассмотрение его соответствующих положений в общем плане. Напротив, он должен по мере возможности ограничиться анализом вопросов, которые возникают в конкретном деле (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (*Taxquet v. Belgium*), жалоба № 926/05, § 83 (конец абзаца), *ECtHR* 2010).

93. Европейский Суд не упускает из виду, что почти три дня, с 26 по 29 мая 2002 г., сын заявительницы находился в очень тяжелом состоянии и не приходил в сознание до своей смерти, которая была зафиксирована 29 мая 2002 г., в 1.20. При таких обстоятельствах с учетом серьезности его состояния врачи явно должны были действовать без промедления, однако нельзя сказать, что было практически невозможно связаться или хотя бы попытаться связаться с его ближайшими родственниками, сообщить им о его состоянии и узнать их мнение относительно возможной трансплантации органов. Действительно, заявительница утверждала, что она общалась с врачами в больнице, а власти государства-ответчика отрицали это только на основании того, что в медицинской карте сына отсутствовала информация о том, как можно связаться с его родственниками. В любом случае в своих рассуждениях Европейский Суд исходит из того, что, как установили внутригосударственные власти, заявительнице не сообщили о возможном изъятии органов у сына для последующей трансплантации (см. §§ 15, 18, 20 и 22 настоящего Постановления).

94. Что касается того, было ли законодательство Латвийской Республики сформулировано достаточно четко, Европейский Суд отмечает, что внутригосударственные власти, в первую очередь полиция безопасности Латвийской Республики и прокуратура, пришли к выводу, что, хотя заявительницу и не известили о возможном изъятии органов у ее сына, это не привело к нарушению внутригосударственного законодательства (см. §§ 16, 20, 24–26 настоящего

Постановления). Однако министр здравоохранения Латвийской Республики решил, что заявительнице необходимо было об этом сообщить; отмечалось, что по результатам предложения созданной министерством рабочей группы были сформулированы поправки к Закону о защите тела скончавшегося человека, направленные на повышение ясности его формулировок (см. § 23 настоящего Постановления). Впоследствии данные поправки были приняты Сеймом Латвийской Республики и вступили в силу с 30 июня 2004 г. (см. § 41 настоящего Постановления). Эти разногласия и последующее внесение изменений в законодательство указывают на отсутствие разумной четкости относительно характера свободы усмотрения, которую в то время предоставляло органам власти внутригосударственное законодательство. Оно создало правовую базу, позволяющую ближайшим родственникам лица выражать свое мнение относительно изъятия у него органов для последующей трансплантации, но недостаточно четко определяло объем соответствующих обязанностей или пределы свободы усмотрения, предоставленной в этом отношении врачам и другим органам власти.

95. Когда сын заявительницы был еще жив, с 26 по 29 мая 2002 г., закон не предусматривал порядка установления мнения самого потенциального донора о трансплантации органов государственные органы (см. § 35 настоящего Постановления). После смерти сына заявительницы, как пояснили сотрудники прокуратуры, применялись только статьи 4 и 11 Закона о защите тела скончавшегося человека (см. §§ 25–26 настоящего Постановления). Власти государства-ответчика ссылались на решения внутригосударственных судов, подтверждающие отсутствие юридической обязанности сообщать ближайшим родственникам лица о предстоящем изъятии у него органов, и утверждали, что Закон о защите тела скончавшегося человека предполагал совершение определенных действий родственниками потенциального донора. Европейский Суд напоминает, что принцип законности требует от государственных участников не только соблюдать и применять в предсказуемом и последовательном порядке принятые ими законы, но и обязательно создавать юридические и практические условия для их реализации (см. *mutatis mutandis*¹ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*), жалоба № 31443/96, §§ 147 и 184, *ECtHR* 2004-V). В настоящем деле остается неясным, как система предполагаемого согласия, предусмотренная законодательством Латвийской Республики, функционирует на практике при таких обстоятельствах, в которых оказалась заявительница, когда у нее как у ближайшей родственницы донора были определенные права, но ей не сообщили и уж тем более не объяснили, как и когда эти права можно было осуществить.

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (например, редакторы).

96. Относительно того, обеспечивало ли внутригосударственное законодательство полноценную правовую защиту от произвола, Европейский Суд отмечает, что полиция безопасности Латвийской Республики признала, что в обязанности координатора центра трансплантации входит информирование родственников о вопросах, касающихся трансплантации (см. § 20 настоящего Постановления), однако, по мнению сотрудников прокуратуры, закон не предусматривал обязанности получать их согласие (см. § 25 настоящего Постановления). Кроме того, сотрудники прокуратуры пояснили, что соответствующие положения законодательства запрещают изъятие органов в случаях поступления отказа или возражений, но не в случаях, когда мнение ближайших родственников донора установлено не было (см. § 26 настоящего Постановления). Власти государства-ответчика, утверждая, что изъятие органов у скончавшегося человека вопреки его явно выраженному или предполагаемому желанию не допускается, признавало, тем не менее, что медицинский эксперт не был обязан разъяснять ближайшим родственникам донора их права и выяснять их мнение. Европейский Суд отмечает значительную неопределенность применимых положений законодательства в этих различных отношениях. Заявительница указывала, что до фактической трансплантации органов было проведено несколько медицинских исследований с целью установления того, совместимы ли в действительности органы ее сына с телом потенциального реципиента. Власти государства-ответчика не оспаривали этого утверждения. Времени, потребовавшегося для проведения данных исследований, каким бы коротким оно ни было, могло оказаться достаточно для того, чтобы предоставить заявительнице реальную возможность выразить свое мнение в отсутствие каких-либо желаний ее сына. Однако, как уже отмечалось, механизм, с помощью которого заявительница могла бы реализовать право, предоставленное ей внутригосударственным законодательством, и выразить свое мнение, отсутствовал.

97. Принимая во внимание вышеназванные соображения, Европейский Суд не может прийти к выводу, что применимые положения внутригосударственного законодательства были сформулированы достаточно четко и обеспечивали полноценную правовую защиту от произвола.

98. Соответственно, Европейский Суд считает, что вмешательство в осуществление заявительницей права на уважение личной жизни не было предусмотрено законом в значении положений пункта 2 статьи 8 Конвенции. Следовательно, по делу имело место нарушение статьи 8 Конвенции. С учетом этого вывода Европейский Суд считает необходимым отдельно рассмотреть вопрос о соблюдении в настоящем деле остальных требований пункта 2 статьи 8 Конвенции (см., например,

Постановление Европейского Суда по делу «Копп против Швейцарии» (Kopp v. Switzerland) от 25 марта 1998 г., § 76, Reports 1998-II, и Постановление Европейского Суда по делу «Хейно против Финляндии» (Heino v. Finland) от 15 февраля 2011 г., жалоба № 56720/09, § 49).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

99. Заявительница утверждала, что подверглась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, поскольку изъятие органов у ее сына было осуществлено без его предварительного согласия и без предварительного согласия самой заявительницы.

100. Власти государства-ответчика оспаривали этот довод.

101. Европейский Суд отмечает, что эта часть жалобы связана с жалобой, рассмотренной выше, и, следовательно, ее необходимо объявить приемлемой для рассмотрения по существу.

102. Принимая во внимание вывод о нарушении статьи 8 Конвенции (см. §§ 97 и 98 настоящего Постановления), Европейский Суд не считает необходимым отдельно рассматривать вопрос о том, было ли в настоящем деле допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

103. Статья 41 Конвенции предусматривает: «Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

104. Заявительница требовала выплатить ей 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного нарушением статьи 8 Конвенции.

105. Власти государства-ответчика считали, что заявительница предоставила недостаточно доказательств того, что ей был причинен моральный вред в требуемом размере. По мнению властей государства-ответчика, требуемая заявительницей сумма является чрезмерной и завышенной. Ссылаясь на дело «Шеннон против Латвии» ((Shannon v. Latvia) от 24 ноября 2009 г., жалоба № 32214/03, § 84), власти государства-ответчика полагали, что факт признания нарушения Конвенции сам по себе будет являться достаточной справедливой компенсацией.

106. Учитывая характер установленного в настоящем деле нарушения и принимая решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявительнице 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

107. Заявительница требовала выплатить ей 500 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных в связи с разбирательством в Европейском Суде.

108. Власти государства-ответчика не оспаривали этой суммы, считая ее достаточно обоснованной и справедливой.

109. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Европейский Суд присуждает заявительнице 500 евро в качестве компенсации судебных издержек.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

110. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

1) объявил жалобы на нарушение статей 3 и 8 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу;

2) постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

3) постановил, что отсутствует необходимость рассматривать вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции;

4) постановил, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы:

(i) 10 000 евро (десять тысяч евро), а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 500 евро (пятьсот евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявительницу;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил оставшиеся требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 24 июня 2014 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош	Пааиви
АРАДЖЫ	ХИРВЕЛАА
Заместитель Секретаря	Председатель
Секции Суда	Палаты Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается отдельное совпадающее мнение¹ судьи Кжиштофа Войтишека.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КЖИШТОФА ВОЙТИШЕКА

1. Я согласен с выводами, к которым пришло большинство судей, однако у меня есть серьезные сомнения по поводу некоторых моментов мотивировочной части постановления.

2. В Постановлении указано, что заявительнице не требовалось подавать жалобу в Конституционный суд Латвии. Я согласен с этим выводом, но обосновал бы его по-другому. На мой взгляд, достаточно указать, что власти Латвии не предоставили достаточных доказательств эффективности этого средства правовой защиты в обстоятельствах настоящего дела.

По-видимому, в доводах, приведенных в Постановлении Европейского Суда относительно характера основного правового вопроса в настоящем деле, существует противоречие. С одной стороны, при рассмотрении вопроса об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты большинство судей (§ 70 настоящего Постановления) подтвердило, что «жалоба заявительницы касается применения и толкования законодательства Латвийской Республики, в частности, с учетом отсутствия соответствующих административных актов, и нельзя сказать, что в деле возникают какие-либо вопросы о несоответствии друг дру-

гу различных правовых норм». Для целей решения вопроса о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу характер возникающего в деле правового вопроса касается особенностей толкования и применения законодательства, а не его содержания. В то же время в Постановлении (см. § 90 настоящего Постановления) отмечено, что рассматриваемые вопросы «имеют отношение к качеству внутригосударственного законодательства, в частности, к тому, было ли оно сформулировано достаточно четко и обеспечивало ли полноценную правовую защиту от произвола в отсутствие соответствующих административных актов». Таким образом, для целей рассмотрения дела по существу основной правовой вопрос касается уже не толкования и применения законодательства, а его содержания. Если это так, то не может не возникнуть вопрос о соответствии этого законодательства принципу предсказуемости и ясности. На первый взгляд ничто не мешает подать в Конституционный суд Латвии жалобу на то, что законодательство, касающееся основных конституционных прав, является недостаточно четким. Отметим, что во многих странах недостаточно четкий и ясный закон может быть признан не соответствующим Конституции конституционным судом или другими судами, которые наделены правом проверять законодательство на предмет его соответствия Конституции.

3. Легитимность и авторитет Европейского Суда зависят, помимо прочего, от убедительности и четкости правовой аргументации, посредством которой он обосновывает свои решения и постановления. Настоящее дело поднимает существенные вопросы, касающиеся содержательных и временных рамок защиты прав человека. Я сожалею, что большинство судей решило необязательным исследовать эти вопросы более четко и подробно. Уход от обсуждения основополагающих вопросов прав человека, которые возникают в рассматриваемых делах и имеют самое непосредственное отношение к поиску правильного судебного ответа на них, по-видимому, не самая эффективная стратегия аргументации для суда, занимающегося защитой прав человека.

Эффективность европейской системы защиты прав человека зависит от четкости разграничения международных обязательств государств. В связи с этим одной из предпосылок разрешения дела согласно Конвенции является определение содержания и объема охраняемых прав. В настоящем деле правильная методология требует достаточно ясно определить понятия личной и семейной жизни. Европейский Суд до сих пор не выработал их определения. Чтобы оправдать эту ситуацию, Европейский Суд в настоящем деле напоминает тезис о том, что «личная и семейная жизнь – широкие понятия, которым невозможно дать исчерпывающее определение» (см. § 77 настоящего Постановления). Я не могу согласиться с таким

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к Постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства судей, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением (*concurring opinion*) называют мнение, которое совпадает с мнением большинства судей по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (примеч. редактора).

подходом, который влечет высокую степень неопределенности в вопросе о содержании и сфере применения статьи 8 Конвенции.

Далее, настоящее дело поднимает вопрос о необходимости обеспечения защиты прав человека после смерти субъекта соответствующих прав. В мотивировочной части Постановления справедливо подчеркивается, что права скончавшегося Петрова и его матери, заявительницы по настоящему делу, тесно взаимосвязаны (см. § 56 настоящего Постановления). Однако этот вопрос заслуживает более глубокого рассмотрения, более того, на мой взгляд, в Постановлении не обозначены должным образом различные права, о которых идет речь в деле, и их характер.

4. В Постановлении напоминается неоднократно высказывавшаяся Европейским Судом точка зрения, согласно которой жалоба не может быть подана от имени скончавшегося человека. Я не убежден, что данная позиция верна. В любом случае указанный тезис не находит убедительного подтверждения в применимых правилах толкования международных договоров. Формулировки Конвенции не исключают менее категоричного подхода к этому вопросу. Возможность подать жалобу от имени скончавшегося лица зависит от характера рассматриваемого права и, в частности, от характера определенного правомочия, подпадающего под действие конкретного конвенционного права, о котором говорится в деле.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в различных международно-правовых актах, а также в конституциях некоторых стран провозглашаются конкретные права человека, защита которых обеспечивается после смерти субъекта соответствующих прав. Эти права провозглашены в нескольких международно-правовых актах, которые цитируются в Постановлении. В частности, они защищают каждого человека от посмертного изъятия у него органов против его желания. Такая защита сохраняется даже после смерти субъекта соответствующего права. Очевидно, что смерть не может привести к прекращению этих прав. Возможность ими воспользоваться зависит от позиции ближайших членов семьи, выступающих в роли защитников прав скончавшегося человека. Сам характер указанных прав предполагает особые обязанности и особую ответственность родственников скончавшегося.

5. Основное внимание в мотивировочной части Постановления, по-видимому, уделяется праву заявительницы возражать против трансплантации органов, изъятых у ее скончавшегося сына. Это право признается внутригосударственным законодательством. Используемые в мотивировочной части Постановления формулировки заставляют думать, что право заявительницы возражать против трансплантации органов скончавшегося сына – это одно из ее личных прав,

охраняемых Конвенцией. Далее, исходя из этих формулировок можно предположить, что данное право может беспрепятственно осуществляться родственниками, у которых есть возможность решать, согласиться ли на трансплантацию или возражать против нее.

На мой взгляд, однако, ситуация в целом является намного более сложной. Право родственника скончавшегося лица возражать против трансплантации – это не личное право родственника, и его нельзя осуществлять *ad libitum*¹. В таких случаях родственники выступают не в качестве автономных субъектов права, а в качестве лиц, которым доверена реализация права скончавшегося человека. Они должны осуществлять это право в соответствии с желанием скончавшегося лица. Этот важный аспект рассматриваемого права в Постановлении отмечен недостаточно четко.

В то же время нет никаких сомнений в том, что в деле были затронуты и нарушены права заявительницы. По моему мнению, защита семейной жизни согласно статье 8 Конвенции включает в себя право на уважение достоинства скончавшегося близкого родственника. В частности, мать может на законных основаниях отстаивать право на уважение достоинства скончавшегося сына.

В настоящем деле у скончавшегося человека были незаконно изъяты органы для последующей трансплантации без его согласия и без согласия, выраженного от его имени ближайшими родственниками. При таких обстоятельствах изъятие органов у скончавшегося человека нарушает права этого человека. Однако вместе с тем оно нарушает и право самой заявительницы на уважение достоинства ее скончавшегося сына. Ее права были нарушены не потому, что она не могла отстаивать возможность лично принимать решение по поводу трансплантации органов своего сына, а потому, что ей не дали выразить желание сына.

6. Я согласен со своими коллегами в том, что положения законодательства Латвии, касающиеся различных прав, о которых идет речь в настоящем деле, не соответствуют конвенционным стандартам. Поэтому я голосовал за вывод о нарушении статьи 8 Конвенции. Однако я не убежден, что нам следует уделять столько внимания отсутствию соответствующих административных актов (см. §§ 70 и 90 настоящего Постановления). Во-первых, почему административный акт предпочтительнее закона, который лучше составлен? Подобная позиция потребовала бы более тщательного анализа с точки зрения Конституции Латвии. Во-вторых, Европейский Суд вторгается в сферу конституционной автономии государств. В любом случае определять, на каком уровне юридической иерархии требуется вносить изменения в правовые нормы, должны власти Латвии.

¹ *Ad libitum* (лат.) – по своему усмотрению (примеч. редактора).